

ГЛАВА 22

- С днем рождения тебя, сынок, - произнесла мать, разбудив меня в восемь утра.
- Спасибо, мам, - кивнул я полусонный, сел на кровати.
- Ох! Что у тебя с глазом!? Синяк!? – мать инстинктивно потянула руки к глазу.
- Подрались с Вовкой в клубе с какими-то дураками, - спокойно ответил я, вывернулся, встал и пошел в ванную.
- Сынок, ты бы не ходил туда, - произнесла мать, пойдя следом. – Вот, видишь, глаз разбили тебе. Там столько дураков.
- Ма, нормально все! Не переживай, бывает! – обрезал я, не желая превращения разговора в поток материнских причитаний.
- Ну, как не переживай... - начала она и замолкла, вздохнула и пошла на кухню.
- Глаз практически не опух и вообще не заплыл. Я смотрел на себя в зеркало в ванной. Синева от виска пошла вниз под глаз и была сильно заметна. Верхнее веко посинело лишь с краю. Нос слегка побаливал. В остальном лицо имело обычный вид.
- Мда... - выдохнул я и включил душ.
- Я давно заметил простую вещь, чтобы человек не делал, если с любовью и желанием, то получается хорошо и отлично. А если без желания, то и результат не ахти. Так и с едой. Сколько помню, мать всегда готовила хорошо. Даже очень хорошо, пальчики оближешь. А как начались ее раздоры с отцом, так есть стряпню матери стало невозможно. Именно стряпню, едой назвать такое язык не поворачивался. И я уже подзабыл, как было вкусно, когда мать готовила с желанием. Но в то утро все встало на свои места. Я уплетал котлеты с макаронами за обе щеки.
- Я так люблю смотреть, как ты ешь, - сказала мать, сидя напротив за кухонным столом подперев голову рукой.
- Она будто снова ожила. Я мельком глянул в глаза матери, чтоб не привлечь внимания. Они снова заблестели, не полностью еще, но все же. Тусклость их осталась в прошлом. Мать, будто разучившись, пыталась улыбаться. Выходило застенчиво и неловко.
- Вкусно, сынок? – улыбнулась она.
- Да, мам, очень вкусно! – закивал я с набитым ртом, глотая быстро завтрак.
- Ешь, ешь, не спеши. Куда ты так торопишься?
- И вправду, у меня выработалась дурацкая привычка есть быстро. Я даже не помнил, жевал ли я когда-то медленно и размеренно. Все время бегом или на ходу. На кухню вошел отец с заспанными красными глазами. Пару секунд неловко покругился, дотронулся до чайника, отдернул руку. Навел себе кофе и, собираясь уходить, так и не сумев скрыть неловкость, прокашлявшись, выдавил из себя: «С днем рождения».
- Спасибо, па, - кивнул я, наблюдая за ним исподлобья.
- Отец стусевался, почесал нос, неловко побегал взглядом по сторонам и, кашлянув, вышел с кружкой прочь.
- Как на работе у вас с тем парнем дела? – произнесла мать.
- Да нормально, ма, работаем! Все хорошо, работы много.
- Это хорошо, что работы много.
- Да, мам, хорошо.
- Я затолкал в себя последний кусок, запил чаем, схватил сумку, телефон, подцепил ногами шлепанцы и в полдевятого выскочил на остановку.

В «пазике» немногочисленные пассажиры скрытно пялились на мой синий глаз. Я привычно прошел к заднему ряду мест, плюхнулся посередине, и автобус, дернувшись как лихорадочный, тронулся. Через полчаса с обычной пересадкой я вышел на заводской остановке. Кузнечики, предчувствуя дневное июльское марево, уже стрекотали в траве вовсю. Вдыхая густую смесь из масляного запаха железной дороги и травы, я быстро прошел по тропинке, пересек рельсы, миновал проходную и нырнул в офисное здание.

- О!!! – вылетело из раскрывшегося от удивления рта Веры, когда я вошел.

- Блин, Роман! – опешил и следом засмеялся Сергей, положив голову на руку.

- Нормально, да!? – засмеялся я в ответ и поздоровался с обоими. – Давно пришли?

- Да минут десять, наверное, назад, - сказала Вера, глянув на часы в мониторе. –

Что это с тобой случилось!?

Я принялся рассказывать о драке, сначала в общих чертах, потом разошелся и смачно описал все в самых мелких и уже казавшихся смешных подробностях. Через двадцать минут подъехал Петя, получил накладные и поехал загружаться.

- Ну, пошли на склад, прогуляемся! – улыбаясь, предложил Сергей, и мы вдвоем вышли из офиса, прыснув одновременно от смеха.

- Так че у вас там случилось-то!? Че за драка!? – тут же с вопросом накинулся на меня Сергей, едва мы оказались на улице.

Я заново принялся за рассказ, уже не стесняясь в выражениях, густо поливая историю матом. Сергей хмыкал, вставляя в мой монолог вопросы на вроде «ну, а вы че?», «и чего дальше?», «а они че?». Так мы дошли до склада. Работа шла. Петя и Сеня загружали машину. Мы покрутились несколько минут в складе. Я выслушал очередные оханья в адрес синего глаза, и мы с Сергеем медленно пошли обратно. Говорили о том же.

- Это у тебя просто привычка такая не выработалась, сразу в стойку становиться, - сказал Сергей. – Я вот на бокс отходил пять лет, так она автоматически срабатывает.

Он изобразил сильно закрытую боксерскую стойку – поджал локти плотно к корпусу, свел, как смог, плечи, сжал кулаки и спрятал промеж них лицо.

- У меня из-за этого и холка появилась! – он похлопал себя сзади чуть ниже шеи по загривку. – Видишь, какая у меня холка!?

Сергей еще сильнее округлил плечи, даже насупился. Ситуация приобрела несколько комичную форму. Я даже озадачился его словами, ведь единственное, что я увидел в указываемом месте, так это обычный жировик, который часто образуется у людей с лишним весом. Я ничего не ответил, хотя фраза про жир напрашивалась.

- Серый, да какая там стойка? Это ж драка! – сказал я. – Все случилось быстро – бах! – прилетело мне в висок. Вовка прыгнул на этого длинного, мы его свалили... Че с ним дальше делать? Пару раз по голове дать ногой ему, вот и все... Просто сдержался я... Да оно и к лучшему, там менты потом приехали, а так бы загребли точно.

- Ну да, мне тоже в свое время говорили: «Че ты там прыгаешь, возишься?» Сергей попружинил на ногах в боксерской стойке, будто на ринге: «Дал по яйцам, свалил, попрыгал на голове и пошел!»

- Ну вот... Я тебе о том же... - кивнул я. – А ты боксом, что ли занимался!?

- О, да ты че!? – будто даже оскорбился Сергей. – Я пять лет им занимался! С семнадцати до двадцати двух. И на соревнованиях выступал.

- Ого! Круто! – уважительно и немного удивленно произнес я.

- Это потом уже, как Верок, семья появилась, так все, забросил. Да! Я нормально, серьезно боксом занимался! А ты чем-нибудь занимался?

- Я? Да так, всем понемножку. Боксом тоже как-то пробовал классе в седьмом, два месяца отходил, потом два раза в спарринг поставили, одному я лицо набил, другой мне набил, я и бросил! – засмеялся я, вспоминая детство. – Для себя качался пару лет, год отходил даже на карате, представляешь!? В армии еще качался, а потом все – начал курить, бухать... Надо завязывать с этим дерьмом... а то вот и пузо уже выросло и сам какой-то дряхлый становлюсь.

- Да ладно тебе! Все у тебя нормально! Я сам таким был до свадьбы, и курил и бухал так, что на руках носили. Я даже тебе завидую, что можешь вот так вот пойти со своим Вованом, оторваться там где-то, с бабами позажигать! Я б сам с удовольствием оказался на твоём месте, но уже все – жена, дети. Так что, гуляй, Роман, пока есть возможность! Женишься – все!

Мы зашли в офис.

- Да! Я же вчера деньги получил! – выпалил Сергей, потянулся к своему портфелю.

- О, точно! – вспомнил я. – Первые наши деньги в «Форте»!

- Это хорошо! – подпела Вера, улыбулась. – Сколько, там, Сереж у тебя?

- Да, Вер, запиши, не забудь, домой поедом, тетрадку купим, будешь вести наличку! – сказал Сергей, поставил портфель на стол, открыл его и извлек пачку денег в тысячных банкнотах, перетянутых резинкой. – Двадцать две тысячи я получил в «Форте».

Он снял резинку и отчего-то трясущимися руками начал пересчитывать деньги, неумело зажав пачку в одной и по одной вытягивая пальцами другой зеленые бумажки, медленно кладя их на стол. Я удивился такой неловкости в обращении с деньгами, сразу стало ясно, что человек никогда не считал вручную пачку денег.

- Давай покажу, как надо считать, Серый! – выпалил я и сгреб все деньги в свои руки, заново перетянул пачку резинкой, сунул ее серединой меж средними пальцами одной руки, большим пальцем сломал пачку пополам и им же принялся резко откидывать по одной банкноте на себя, подхватывая ее другой рукой и отгибая назад. – Раз, два, три, четыре, пять...

Мои пальцы замелькали с максимальной быстротой, банкноты отскакивали назад, словно в счетной машинке. В комнате стоял характерный шелест денег. Сергей и Вера заворожено смотрели на действие.

- Девять десять, раз, два, три... - считал я вслух шепотом, - восемь, девять, двадцать, раз, два... двадцать две, правильно!

Я откинул пачку на стол, управился за несколько секунд.

- Где это ты так научился, Роман!? – сказал Сергей, загоревшись в глазах восхищением. – Вер, ну, запишешь!

- Да, Сереж, запишу, хорошо! – отчеканила та.

- Да так, одни чуваки показали, соседи наши на прошлой базе, сахаром торговали! – забарабанил я пальцами по табуретке от удовольствия воспоминания. – Веселые были парни. Один такой, интеллигентный, но матерился, как сапожник тоже. А второй, тот вообще – оторви и выброси! Четыре раза сидел, прикинь!

Глаза Сергея загорелись еще больше, но уже интересом.

- Мальчики! – пискнула Вера. – Вы мне мешаете! Я работаю.

Я понял, что она права и усердно строчит на компьютере, сконфузился и открыл было рот, но Сергей опередил, нетерпеливо выдал: «Ну, пошли на улицу, расскажешь!»

Мы вышли. Я закурил и принялся расхаживать по дорожке. Сергей опасливо присел на провисшую трубу и обратился весь в слух, в предвкушении зажевав губу.

- Один раз, помню, Юра, ну, тот, который сидел... купил у кого-то тонну соли, ну, на продажу, естественно! – вспомнил я случай и тут же засмеялся.

- Хорош ржать! – прикрикнул нетерпеливо Сергей, расползаясь в улыбке. – Давай, рассказывай! А то ты ржешь, и я начинаю! Как дураки ходим и ржем!

- Да это нормально, мы и есть дураки! – отмахнулся я, давя смех. – Мутим тут какой-то бизнес на заброшенном заводе, пока все остальные в офисах сидят... Ну вот, я не знаю, зачем они купили эту тонну соли! Сахар хорошо продавался, может, решили еще и солью поторговать, я не знаю, но пацаны, грузчики, заебались ее в склад таскать. Она ж еще соленая, это не сахар, который просто липкий и все! Потом ходили, все у них щипало, матерились! И Юра, как шас помню, на следующее утро подъехал такой на своем «мерсе», вышел, поздоровался с нами. А мы пиво загружали в «двойку»...

- А вы что, еще и пивом торговали!? – удивился Сергей.

- Да, а я тебе не рассказывал!? – удивился уже я.

- Не, не говорил, - потупил взгляд Сергей, стал ковырять сандалиями камушки.

- Ну эт ладно... короче, я так понял, Юре соль привезли, а сертификаты на нее не дали... он такой прям стоя у склада в десяти метрах от нас звонит... «Алле, я у вас вчера соль покупал тонну... помните, да? Да, привезли, все нормально. Только документов с солью не было. Почему сертификаты на нее не дали? Что значит, нет сертификатов!?»

Я принялся ходить по дорожке, изображая Юру, топтавшегося тогда у стенки склада в угрожающей позе с растопыренными руками и мобильником у уха.

- «И че, бля!? А меня не ебет, что у вас там нет сертификатов на эту ебаную соль! Ты че думаешь, я ее у тебя купил, чтоб помидоры солить что ли!? Чтоб сертификаты были у меня сегодня! Ты понял!? А то я приеду и выебу тебя там!»

- Га-га-га-га! – засмеялся Сергей в голос, откинув голову назад.

- И че? Привезли сертификаты ему? – сказал он, предвкушая конец истории.

- Через час привезли! С левого берега как раз час ехать до той базы. Они там обобрались от страха, наверное! Это ты Юру не видел! Там, пиздец, морда – во! Наглый как танк!

Мы пробыли на улице еще несколько минут, пытаюсь отойти от смеха. Да и погода стояла настолько по-летнему шикарная, что в офис идти совсем не хотелось.

- Вера тебе сказала про мой день рождения?

- Да, говорила, - глянул на меня Сергей и продолжил ковырять камушек.

- Сегодня в восемь тогда...

- А где ты столик заказал?

Я назвал кафе.

- Да, там нормально. Придем, конечно, - вздохнул Сергей. – Кого ты там еще пригласил? Ну, Вована своего, это понятно!

Я назвал еще двух приглашенных.

- Во сколько, в восемь? – переспросил Сергей, сморщившись.

Я кивнул, делая последнюю затяжку и откидывая бычок в сторону.

- Хорошо, придем. Пошли в офис!

Мы доработали остаток дня и разошлись в пять, чтобы в восемь уже собраться в кафе в центре города. Я уже свыкся с наличием синяка под глазом и совершенно не помнил о его существовании. Только любопытные взгляды людей иногда напоминали мне о драке. Отчего мое настроение в тот вечер стало совсем разгильдяйским, я вырядился, как можно заметнее – напялил бежевые штаны с цифрой «77» на бедре, черную майку без рукавов и легкую бело-черную куртку, всю в ярких заплатках мотоциклетных брендов. Вишенкой на торте моего эпатажа служил синий левый глаз. В таком виде я стоял у входа в кафе и встречал гостей, провожая их за стол. Пришли все. Последними, чуть опоздав, явились Сергей с Верой. При виде них у меня странно и тоскливо защемило в груди. Вера была одета в костюм, пиджак с юбкой светлых тонов. Он сидел на ее аккуратной ладной фигуре идеально. Сергей пришел в черных брюках, темной рубашке и темно-синем пиджаке, том самом, в котором я его частенько видел в «Саше». Дело было не в одежде, пара не выглядела изысканно. Сергей, так вообще на грани безвкусицы. Главное – они выглядели парой. Настоящей парой. «Надо же, как они похожи друг на друга», – удивлено отметил я. Сергей и Вера держались за руки. Она светилась счастьем, он излучал важность и уверенность, приближаясь расслабленной походкой. Пожал мне руку, Вера следом протянула свою. Я проводил их к столику. В кафе было тихо, музыка не играла, столики постепенно заполнялись. Я, как виновник торжества, сел во главе стола. Вовка с другим моим знакомым по левую руку; Сергей, Вера и знакомая по работе девушка – по правую. Я приглашал и Риту, но в тот день она работала.

Вечер вышел банальным. Выпивка – водка, закуска – мясо, фрукты. Все обычно. Гости, поздравления, символические подарки. Я был рад видеть всех этих людей на своем празднике. Сергей подарил сигару, ловко выудив ее из внутреннего кармана пиджака. Я сунул ее в рот и зажал зубами, Вовка щелкнул фотоаппаратом. Смешной вышел снимок – я с сигарой в зубах и с синяком под глазом сажу среди ваз с фруктами, тарелками с едой и торчащими вверх бутылками алкоголя. Еще несколько фото – Вовка корчит рожи за столом, Сергей сидит с серьезным лицом и важным взглядом, Вовка танцует с Верой, Сергей танцует с женой, все сидят за столом и смотрят в объектив. Все.

В одиннадцать мы разошлись, я и Вовка поперлись в «Чистое небо».

- Привет! – выпалил я радостно, едва оказавшись у барной стойки.
- О! Где это ты так погулял!? – удивилась Рита, стараясь не рассмеяться.
- Да тут! Где же еще!? Подрались с Вовкой с одними засранцами! – заулыбался я.
- Ааа! – протянула она, держа поднос. – Так ты еще, значит, и подраться любишь!?
- Я!? Неее! Я не! – замахал я руками, поддерживая шутку.
- Ну-ну, Рома! – наигранно серьезно сказала Рита и понесла заказ к столикам.

Весь вечер я прокрутился у барной стойки, урывками общаясь с Ритой. Все было замечательно, только я никак не мог понять одного – как нам с ней развивать отношения? Девушка работала ночами в клубе, я в нем тусил. За все время мы с ней ни разу не встретились нормально, только урывками после ее работы. В мою голову закралась мысль, что Риту это вполне устраивает.

- После работы тебя подождать? – за полчаса до закрытия клуба, сказал я.
- Рита сморщила носик и чуть скривила губы, произнесла:
- Может, давай, в воскресенье? Хорошо?
 - Давай в воскресенье! – пожал плечами я и улыбнулся.

Через ночь, в два часа я ждал ее на улице у выхода «Чистого неба». Вовка кружился рядом. Привычная доза алкоголя присутствовала в нас обоих. Рита вышла, подъехал Вадик и отвез всех троих в тот же парк, недалеко от ее дома. Мы просидели на лавочке больше часа. Рита выпила два слабоалкогольных коктейля и слегка запьянела. Из меня алкоголь уже выветрился, захотелось спать. Я глянул на Вовку, тот бодрился изо всех сил, но его веки заметно потяжелели.

- Залипаешь? – Произнес я.

- Да так! – отмахнулся Вовка и потер грубо лицо ладонью. – Еще не очень.

Я хорошо знал все его жесты, Вовка сильно хотел спать.

- Сейчас уже поедем, Вов, - сказал я и едва успел прикрыть ладонью накотивший зевок. – Ой! Простите. Что-то я тоже начинаю залипать.

- Ну, что это вы! Спать, что ли собрались!? – укоризненно произнесла Рита, доставая из сумочки тонкие сигареты и закуривая одну. – Слабаки!

- Рит, да причем здесь это? – возразил я. – Просто завтра на работу и ему и мне. Ты-то выспишься, а мы будем ходить со стеклянными глазами.

- Все с вами понятно, - скисла та тут же.

- Да не, я не хочу спать пока! – засуетился Вовка, изображая свежесть в движениях, но глаза предательски засыпали и выдавали его. – Еще можем посидеть.

Рита сделала последний глоток из второй бутылки коктейля, кинула ее в урну, произнесла, скривив губы: «Ну-ну...»

- Слушай, давай, сейчас Вадика вызовем, отвезем Вовку домой спать, а сами еще погуляем? – посмотрел я на девушку.

- Ну... звоните, я вам что? – с разочарованием в голосе произнесла та.

Вадик прилетел через пять минут.

- Да я тут как раз был на левом берегу, клиента отвозил, - расплывшись в улыбке, произнес он, открыл театрально дверь перед Ритой, произнес. – Прошу.

Вовка сел спереди. Машина тронулась.

- Как погуляли? – произнес Вадик, глядя в зеркало на меня.

- Не нагулялись! – выпалила Рита и сползла по сиденью вперед, согнув колени.

- Что мешает продолжить банкет? – улыбнулся Вадик.

- Мужчины хотят спать! – покосилась Рита с вызовом на меня.

- Да че ты на меня смотришь!? – приподнял брови я. – Сейчас погуляем, надо же человека спать отвезти. А то он уже залипает, вон, сидит.

Я успел увидеть в боковое зеркало Вовкино лицо с закрытыми глазами, он тут же их открыл и бодро, как ни в чем не бывало, повернулся назад к нам, выкрикнул:

- Не, я не сплю! Это вы просто, засранцы, от меня избавиться хотите! Предатели!

- Да ладно, Вовчик, не обижайся, в следующий раз мы тебя до утра не отпустим, даже если будешь спать хотеть! Ляжешь на лавке прям в парке! – сказала Рита.

- Так что ли!? – изобразил Вовка себя спящего и храпящего.

Рита залилась смехом. Она красиво смеялась. Я вяло хохотнул, сон накатывал все сильнее, особенно после появления в зеркале спящей физиономии Вовки.

«Да, чувак, ты сейчас завалишься на свою большую кровать и вырубись, а мне еще час точно не спать», - подумал я кисло.

Минут пять мы ехали молча.

- Так, мальчики, не спим! – вдруг выпалила Рита и дернулась на сиденье.

- Да не спим, мы, Рит, не спим, - выдавил я из себя, борясь со сном, Вовка молчал.
- Где мои цветы!!!??? – вдруг капризно закричала девушка и пхнула сильно коленом в сиденье Вадика так, что тот ошалело обернулся.

Я собрался ответить, но в голове застряли две фразы, одна извиняющаяся, вторая грубая. Они толклись долю секунды на языке, не уступая друг другу. Выручил Вовка, обернувшись, произнес: «Рит! Ну, какие цветы!? Уже почти четыре утра! Будут тебе цветы, в следующий раз обязательно купим!»

- Сейчас хочу!! – выкрикнула та, и Вадик снова ощутил сзади тычок коленом.

В тот момент я впервые мысленно отдалился от Риты, в голове проплыло вялое «дурра». Я подумал о Вовке. «Все-таки, что не говори, а он молодец в определенном плане – таскается со мной, пока я делаю попытки встречаться с девушкой. А ведь ему это совершенно не надо. Спал бы сейчас дома, распрощавшись с нами еще там, у «Чистого неба». Так нет же, сидит рядом и еще отбивается от ее капризов. Хотя, я сам такой же». От подобной мысли о себе стало противно. Рита продолжала капризничать, но я отвернулся и отключился, стал смотреть в окно на ночной город.

Вовку отвезли, вернулись в тот же в парк. Вадик уехал. Оказавшись на улице, я чуть пришел в себя, сон отступил, свежий воздух приятно обдувал лицо. Мы сели на ту же лавку. Рита закурила. Я не запомнил нашего получасового диалога, только общие ощущения остались в памяти – Рита капризничала, я вяло оправдывался.

- Какой-то вы скучный совсем, Роман! – выпустила она дым, скривив губы вбок. – Ни погулять с вами нормально, ни повеселиться.

- Рит, уже пятый час ночи... - произнес я и глянул влево на восток, на занимавшуюся во всю зарю, - ... утра уже. Ну, какие гуляния? Я тупо спать уже хочу. В следующий раз, давай, погуляем. Я же – за, ты знаешь. Как будет у тебя выходной, днем нормально встретимся.

Она посмотрела на меня молча, затянулась и отвернулась.

- Почему ты так одеваешься? – нарушила она молчание через минуту.

- Как так!? – опешил я, разглядывая себя.

- По-дурацки как-то, Рома! – посмотрела на меня укоризненно девушка.

- А что дурацкого в моей одежде!? – оглядел я себя, не понимая вопроса. – Нормальная майка, нормальные штаны, нормальные ботинки. Что не так!?

Я был одет так же, как и прошедшим вечером, только без куртки.

- Это не нормальные штаны, Рома, - продолжала смотреть на меня с укором Рита. – Что это за цифра «77» на ноге и какие-то надписи? Тебе сколько лет? Дети с такими картинками ходят на одежде. Ботинки вообще ужасные.

Я посмотрел вниз, ботинки были классные! Мне они, помнится, сразу понравились в магазине. Купил, не раздумывая, и был очень доволен. В моду как раз начали входить туфли с острыми носами, и отходила мода на обувь с квадратными. Плевал я на моду! Ботинки смотрелись интересно. Что-то среднее между аккуратными туфлями и грубыми ботинками. Черная лакированная кожа. Высокий массивный каблук. Квадратный чуть брутальный носок. Крупные швы черными нитками по канту носка. В сочетании с черной майкой без рукавов и бежевыми льняными штанами они смотрелись идеально, создавая именно мужской образ. Да, я выглядел немного нестандартно по сравнению с общей модой в нашем городе, но какой смысл походить на большинство? Чтоб расписаться в собст-

- Мне? Мне неудобно! – удивленно посмотрел я на него, не понимая причину упертости. – Если тебе удобно, то давай, табуретка будет твоя, а мне тогда купим какое-нибудь нормальное кресло! Согласен!?

- Сереж, - подала голос Вера и чуть скривилась, - стул и, правда, не очень.

- Ну, хорошо, уговорили, купим кресла! – дернул нервно рукой тот и тут же скрестил руки на груди в замок. – Деньги получим в четверг и купим.

- Сереж, может, лучше по безналу все же? – аккуратно поинтересовалась жена.

- Хорошо, Вер, купим по безналу! – махнул руками в ее сторону Сергей.

- Тогда нам надо сделать подписи и, вообще, нам давно их уже надо сделать! – укоризненно добавила та.

- Блять, еще эти подписи! – закрыл руками лицо Сергей и медленно спустил их вниз ко рту. – А там документы в банке готовы или что там нужно?

- Да ничего там не нужно, просто приедете вместе с Ромой и напишете заявление и заполните там нужные формы и все, - выдала тут же Вера.

- Хорошо, на неделе доедем до банка, посмотрим, когда лучше, - бросил взгляд на меня Сергей. – Да, Роман?

Я кивнул.

После обеда мы подвезли со склада на «газели» один из торговых шкафов и занесли его в офис, поставив у стенки за дверью. Офис стал уютнее, но меньше.

Во вторник я пришел на работу даже раньше Сени минут на пять. Тот постучал в дверь ровно в девять, суетливо зашел внутрь, быстро поздоровался, побегал глазками по сторонам, похал на шкаф у стенки, поинтересовался объемами работы на день и, получив исчерпывающий ответ, исчез в своей камерке и включил там чайник.

В девять двадцать приехал Петя. Я дал Сене накладные, и оба укатили на склад.

- А Сергея и Веры не будет сегодня? – просунул Сеня голову внутрь, приоткрыв дверь офиса, едва вернувшись обратно.

- Будут... попозже, - ответил я, сам не понимая, где те задержались. – Петя уехал?

- Аха, уехал! – замотал головой Сеня, ожидая продолжения диалога, не дождавшись, произнес. – Ну, если че, я у себя!?

Я кивнул, голова исчезла. Едва я глянул на телефон на столе, подумывая набрать номер Сергея, как к палисаднику прямо под наше окно подъехала машина насыщенного темно-рыжего цвета. Из-за руля вышел Сергей, с противоположной стороны – Вера. Размашистым движением Сергей захлопнул дверь и, вынув из багажника портфель, выпятив грудь и важно задрвав подбородок, пошел в офис. «Купил «мазду» что ли все-таки?», - едва подумал я, как дверь в офис распахнулась, и довольное лицо Сергея оказалось передо мною. Следом вошла с сияющими счастливыми глазами Вера.

- Машину что ли купили!? – расплылся я в улыбке.

- Дааа! – протянула Вера, улыбнувшись и поставив сумку на свой стул.

Сергей на долю секунды замер посреди комнаты, смотря на меня внимательно сквозь очки. Мышцы его лица подрагивали, ноздри чуть раздулись, губы желали растянуться в довольную улыбку, но сдерживались.

- Круто, блин! Поздравляю, Серый! – я протянул напарнику руку, тот удовлетворенно пожал ее, снял очки, бодро ответил: «Спасибо, Роман!»

- У этого, у врача купил!? – продолжил я.

- Да, у стоматолога этого! – кивнул он, вынимая из портфеля на стол бумаги.
- Сколько!? Двести девяносто? – уточнил я.
- Не, - проскочила нотка недовольства в голосе Сергея. – Триста. Так и не скинул.
- Да, это мелочи! – отмахнулся я, поворачиваясь к окну, машина смотрелась как новая. – Ну! Пошли на улицу! Похвалишься уже!

Я энергично встал, хлопнул Сергея по плечу, тот расплылся в улыбке. Мы вышли. Я толкнул наружу входную дверь здания, в глаза ударил яркий свет жаркого июльского утра, в котором переливалась и играла рыжим цветом машина.

- «Мазда»! Шестьсот двадцать шестая! – глянул я на шильдики на багажнике и пошел вокруг машины. – Красота! Слушай, прям, как новая! Цвет такой... необычный, но неплохо смотрится! Просто, непривычно немного, а так, классно. Рыжая такая машина.

Я заглянул в салон, открыл водительскую дверь, присел на сидение. Внутри все выглядело аккуратным и действительно будто новым.

- А какой год, девяносто восьмой? – глянул я на Сергея.
- Да, девяносто восьмой, - кивнул он, внимательно смотря на меня.
- Ну, для семилетней прям идеальное состояние! А ходовая нормальная!? – я чуть нагнулся сидя, осматривая низ салона.

- Да, нормальная, загнали на подъемник, все посмотрели, сказали все отлично, - Сергей обошел машину спереди и сел рядом.

- О! Тут и «Вебасто» стоит!? Круто! – вскинул я брови удивленно.
- Что за «Вебасто»!? – сразу озадачился и заинтересовался Сергей.
- Охуенная штука! Дорогая, кстати! Для подогрева двигателя, холодный пуск зимой! Штук пятнадцать стоит новая! Так что, считай, тебе скидку все равно сделали!
- Ммм! – протянул задумчиво Сергей.

Мы покрутились еще минут пять в машине и около, я покурил, вернулись в офис.

- Слушай, ты знакомой этой своей позвонил бы в Оскол, а? – вспомнил я.
- Да, надо позвонить, - закивал Сергей. – Завтра с утра позвоню.

День прошел размеренно, а в среду утром я попал на работу к одиннадцати часам, заехав по пути в магазин и выписав счет на три дешевых офисных кресла.

Миновав проходную и глянув на стоявшую у здания «мазду», я вошел внутрь.

- Привет, Серый! – сходу, оказавшись в офисе, протянул я напарнику руку.
- Привет, Ромыч, - буркнул тот, отняв голову от рук, упертых локтями в стол.
- А Веры нет что ли!?
- Да скоро должна уже подойти.
- Че, какие дела!? Ты в «Орлан» позвонил!? – плюхнулся я сходу на стул напротив.
– Вот, счет на кресла, поедem в банк по поводу подписей, заодно и его проплатим!

- Не, не позвонил еще, - сказал Сергей, принимая от меня лист бумаги.
- А че ты не позвонил!? – вытаращился я на него, откинувшись на стуле.

В коридоре гулко застучали женские каблучки, дверь открылась, вошла Вера. Я уступил ей место, встав у шкафа.

Мальчики, привет! – произнесла она, принеся с собой в комнату заряд бодрости и радости и легкий запах цитрусового парфюма. – Чем вы тут занимаетесь!?

- Занимаемся, - буркнул Сергей и принялся перекладывать бумажки на столе.
- Серый, так ты когда знакомой в «Орлан» будешь звонить? – произнес я.

- Роман, че ты, вот, ко мне пристал!? – вскинулся Сергей, уставился раздраженно на меня. – Ты знаешь, сколько я сделал дел, пока тебя не было!? Девятнадцать!

Сергей выдержал паузу, анализируя произведенный эффект, но, я совсем не понял, о чем он, что сразу выразил на лице. Сергей протянул мне лист бумаги: «Вот! Посмотри!»

Я взял. Лист был весь слегка размашисто и попунктно исписан строчками печатных букв. Я вразнобой пробежался глазами по ним. «7. Позвонил в «Оптторг»... 11. Отправил факс в «Форт»... 3. Подготовил накладную в «Форт» 17. Заменяю бумагу в факсе. 18. Принял заказ из «Темпа»... 1. Купил по дороге бумагу для принтера».

- А зачем ты мне эту бумажку показываешь!? – перевел я взгляд на Сергея. – Ты же не наемный работник, чтоб составлять такие бумажки для отчета. Это в «Саше» ты Давидычу их рисовал, чтоб он видел, какой ты хороший работник. А мне-то она зачем? Ты же теперь собственник. Сам на месте Давидыча. И тебе незачем составлять эти бумажки. Ты работаешь сам на себя. Как говорится – что потопаешь, то и полопаешь! Так что, хоть пиши, хоть не пиши, что ты «заправил бумажку в факс, три раза поднял трубку телефона и семь раз нажал на кнопки», от этого наша прибыль не увеличится. Продали товар, отгрузили со склада – заработали денег! Не продали – не заработали! Вот и вся правда, Серый! А эта бюрократия мне не нужна, нас тут всего двое! Так что, можешь меня не удивлять «аж девятнадцатью сделанными делами», а то я тоже могу начать этим заниматься, только смысла нет, работать надо.

Усмехнувшись, я положил лист на стол перед Сергеем. Тот ничего не сказал, чуть сник и скривил губы вниз, обиженно их выпятив. Я даже ощутил, как Сергей боролся с собственным недовольством, сделал усилие, оставив невысказанное при себе. Некоторое время в воздухе висела напряженная тишина, которую нарушила Вера, начав задавать вопросы по работе.

Неделя пролетела быстро.

Утром четверга в девять мы встретились втроем в банке, подписали с Сергеем нужные документы по двум подписям, сделав их легитимными. Пальцы Сергея тряслись, он постоянно отирал со лба не существующую испарину и вывел на бумагах несколько корявых подписей. Пишет ли человек регулярно или изредка – это всегда заметно. Ручка не слушалась толстых пальцев Сергея, словно оказалась в них случайно. После мы провели платежку за стулья и поехали в офис. Полуразвалившись, я расслабленно устроился на заднем сидении «мазды» и всю дорогу наслаждался комфортом поездки. Сергей уверенно вел машину среди неплотного уличного потока.

- Роман! – глянул он на меня сквозь очки и зеркало заднего вида. – Дихлофосы то мы все уже почти продали! Что делать будем!?

- Новые заказывать, что еще делать... - пожал плечами я.

- Ты думаешь!? – продолжал поглядывать то на меня то на дорогу Сергей.

- А че тут думать!? Кончились – хорошо, новые надо завозить!

- Сезон же кончается... - смотрел он на меня, - пока закажем, пока придет...

- Ну, а сколько товар будет идти? Вы как возили, фурами?

- Почти всегда фурами нам привозили, зимой только дозаказывали контейнерами, если нужно было, но мы же не будем фуру заказывать!?

- Да нет, зачем нам фура, контейнер...

- А если мы закажем сейчас контейнер, и придет где-нибудь в конце августа, и что делать будем? – Сергей словно и не смотрел на дорогу вперед, так часто я ловил в зеркале его взгляд на себе.

- Продавать будем! Чего еще делать!? Что дихлофосы в сентябре не продаются!?

- Не, ну, продаются, просто не так сильно, - Сергей словно висел взглядом на мне.

- Сереж, смотри, красный! – подала голос Вера, смотревшая всю дорогу вперед.

- Я вижу, зай, вижу! – среагировал Сергей, мы остановились на светофоре, он продолжил. – Значит, думаешь, завозить?

- Серый, я думаю – да! – выдохнул я, потеряв толику терпения и, чтоб не раздражаться, отвернулся к окну. – Ты же сам сказал, дихлофосы в сентябре плохо, но продаются. Тем более, мы же не одними ими контейнер заьем!? Наберем всего остального, освежителей, вон, наберем, и вперед!

- Да, надо завозить, чип чё, непроданное в зиму останется на складе, да!? – глянул он на меня машинально в зеркало, я, повернув голову, уперся во взгляд Сергея.

- Зай, зеленый! – пискнула Вера.

- Да, Серый, да! – выдохнул я, машина тронулась, я добавил. – Мы за сентябрь контейнер этот продадим, вот увидишь. Максимум за октябрь.

«Чип чё», первый раз такое слышу, - подумал я, даже мотнул головой от удивления, - если что... типа того... это понятно, но «чип чё», надо же так слова изуродовать».

За сорок минут мы добрались до Приречного.

- Сереж, может, остановимся, возьмем покушать? – произнесла Вера, когда мы проезжали мини-рынок на центральной улице поселка.

- А что, ты есть хочешь? – глянул тот на жену.

- Ну да, что-то захотелось, - поморщила Вера носик.

- Я б тоже поел! – добавил я.

Машина подрулила к киоску быстрого питания в самом центре рынка. Мы набрали пакет еды и поехали дальше.

- Надо будет какую-нибудь столовую найти здесь и туда ходить есть, - сказал я.

- Да где тут столовые в поселке? – удивился Сергей.

- На каком-нибудь более-менее крупном предприятии всегда есть своя столовая, работников же надо кормить, - добавил я.

Сергей ничего не ответил. Через десять минут «мазда», шурша колесами по песку и гравию, остановилась у палисадника напротив окна офиса.

Мы зашли всеми внутрь, расположились и, едва Сергей коснулся задницей табуретки, я выпалил: «Давай, Серый, звони своей знакомой в «Орлан»!

- Щас, Роман, погоди! – среагировал тот нервно.

Мы еще несколько минут занимались текущими делами, после чего я, заметив, что Сергей не торопится со звонком, снова напомнил о нем. Сергей, тяжело вздохнув, закрутил в пальцах нервно ручку, произнес обреченно: «Да, надо звонить в «Орлан»...»

Он набрал нужный номер на факсе, пошли гудки громкой связи.

- Алло, да, привет, узнала! – схватил Сергей трубку, едва на том конце женский голос произнес «алло». – Да, аха, я, Лобов Сергей, помнишь меня, да? В «Саше» с тобой работал... аха, да, «Сашу» Давидыч же закрыл... да я сам не ожидал, работали – работали и на тебе... аха... я!? Я сейчас сам работаю... да... фирма своя... аха, да, спасибо... гы-гы... Да,

все тоже самое... вот, тебе звоню, как раз поговорить по работе... мож че и тебе смогу предложить...

Сергей разговаривал по телефону, я слушал, позже поняв, что больше наблюдаю за ним. Вышло это совершенно непреднамеренно, как мне казалось, вел он общение странно. Дрыгал ногами под столом, крутил в руках ручку, что-то постоянно трогал на столе, нервно и беспрерывно жевал губы. Я понял, что меня зацепила именно чрезмерная нервозность Сергея. Словно он никогда раньше не вел таких переговоров. Но ведь он точно их вел. Странная манера, она шла вразрез с его образом. Но звонок вышел удачным. Знакомая согласилась работать в бартер и сказала, что в течение недели сделает первый заказ. Особенно ее интересовали соли для ванн.

- Они ж поставляют соли в торговую сеть, так что им много нужно будет ее, - пояснил Сергей уже положив трубку и продолжая дрыгать согнутыми в коленях ногами.

- Отлично! Надо будет трясти с нее заказ! – кивнул я.

- Да не, трясти не нужно, она исполнительная, если сказала, что сделает, то сделает! – скрестил руки на груди Сергей.

И точно, на следующей неделе мы получили хороший заказ, такой, что привезенное с собой Сергеем количество солей сразу уменьшилось вполовину.

Пятница пролетела незаметно. В обед мы с Сергеем съездили за креслами. Офис обрел окончательный вид и стал еще теснее. Я сразу уютно устроился в кресле в углу между дверью и шкафом, закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди и произнес:

- Вот это другое дело!

В субботу днем мы встретились с Ритой и пошли на рынок. Все мое нутро противилось, но я твердо решил убить день на, как мне казалось, пустое занятие. Мы пару часов проходили по торговым рядам рынка. Рита шла впереди, я уныло плелся сзади, всем видом пытаюсь изобразить хоть какую-то заинтересованность. По итогу, она выбрала мне льняные светлые летние штаны и синтетическую рубашку на выпуск бежевого цвета с короткими рукавами, воротником и на молнии. Синтетика при примерке сразу тяжело и неприятно облегла тело. Я молча расплатился за покупку.

- Вот видишь! Так тебе очень хорошо! – сказала довольная Рита.

- Да, хорошо, - выдавил из себя я.

- Вот так и ходи, как нормальный парень, а то носишь, не пойми что, какие-то размаляванные штаны, башмаки страшные и дурацкие майки! А то мне неудобно аж! – произнесла она, закончив мысль взглядом «... ходить с тобой таким».

Мы погуляли по центру еще некоторое время, но мое слишком кислое лицо быстро завершило прогулку. Я вернулся домой, еще раз примерил перед зеркалом обновки, попытался убедить себя, что все не так уж плохо, но вышло плохо. Моя внутренняя природа всячески сопротивлялась ее изменению. Раздражение, давно и незаметно поселившееся во мне, вдруг ясно оформилось в недовольство Ритой. Я злился на нее. За все. За все, что случилось, и еще больше за то, что так у нас и не случилось. Отношения застряли на первом же противоречии. Я хотел его преодолеть и в тот же вечер сделал попытку, с усилием над собой одевшись в купленные шмотки. Мы прослонялись с Вовкой по центру, зашли в «Чистое небо», выпили там по четыре двойных «отвертки», и в два часа ночи Вадик подвез нас к Вовкиному дому и уехал.

- Блять, пидорас!!! – заорал Вовка, сунув ключ в закрытую подъездную дверь.

- Не открывается? – удивился я.
- Сука, дед, пидор!! – Вовка дергал ключ в замке, пытаюсь провернуть. – Закрылся! Сука! Специально закрыл дверь! Повернул барашек! Вот гондон! Убью нахуй! Пидор, блять!

- Дай! – оттеснил я Вовкину руку в темноте двора, попытался провернуть ключ в замке, ничего не вышло, замок был заперт изнутри. – Блять, не открывается, закрыто!

- Да это дед, пидор! – начал заново Вовка.

- Да я понял, что дед, - прервал я его. – Что делать-то будем? И никакого другого входа нет? Звонков тоже нет...

- Да нет тут нихуя! – отмахнулся Вовка, видя, что я осматриваю стену вокруг двери. – Блять, а может постучать в окна, нам откроют!?

Точно! Я глянул на окна квартир первого этажа справа и слева от подъездной двери. Ни решеток на них, ни палисадника, подходи и стучи в стекло, нет проблем.

- Ну, можно, просто будить людей не охота... - начал я.

- Блять! И что теперь!? Спать тут во дворе на лавочке!? – фонтанировал Вовка злобой. – Нихуя! Я всех этих пидорасов разбужу, но дверь мне откроют!

- А дед в какой квартире живет?

- Да там, блять, прямо, как войдешь!

- А, да, ты говорил, - вспомнил я.

- Его окна на ту сторону выходят! – понял Вовка мою мысль.

Мы обошли дом с обратной стороны. Тень от дома, бросаемая от редких дворовых фонарей, погружала обратную сторону дома в кромешную тьму.

- Бля, туда бесполезно лезть! – махнул я в сторону окон первого этажа. – Даже если достучимся, дед не увидит, кто стучит, подумает воры какие, еще ментов вызовет! Надо стучать со двора, там посветлей, может и откроют.

Мы вернулись во двор, минут десять простучали по окнам. Только в одном дернулась занавеска, но никто не откликнулся.

- Пидорасы! – выругался Вовка.

- А если у того окна выставить стекло, то можно влезть в подъезд и изнутри открыть дверь, - задрал голову вверх, озвучил я мысль.

В двух метрах над дверью подъезда светилось окно лестничного пролета между первым и вторым этажами. Окно было узкое, как бойница, чуть больше тридцати сантиметров в высоту и около полутора метров в ширину. Вовка задрал голову:

- Бля, Рамзес, это идея! Только как туда залезть!?

- На штырь только если встать, - сказал я, кивая в точку над дверью, где из стены на метр ниже окна торчал кусок трубы, на которой раньше висел плафон освещения. – Как раз, сантиметров двадцать, можно стать обеими ногами, лишь бы не согнулся.

- А как же залезть на него? – Вовка стал осматривать стены.

- Никак, не за что зацепиться вообще, был бы козырек... - расстроился я. – Надо нам что-нибудь найти, что можно подставить под ноги, стул какой-нибудь или ящик! Тогда можно до штыря достать и влезть. Пошли, поищем!

Мы побрели по двору почти в полной тьме. Свет падал на землю только из редких светящихся окон окружающих домов. Дойдя до мусорки, я уперся во что-то громоздкое.

- Блять, что это за хуйня!? – выругался я, наклонившись. – Ящик какой-то.

Я ощупал контуры, ящик, увесистый и крепкий. Я пихнул его, тот подался. Пустой. Вовка принялся шарить по ящику.

- Сундук какой-то! – произнес он и поднял крышку.

Глаза привыкли к темноте. Перед нами действительно стоял отличный крепкий старый сундук, прям как из сказки, разве только что не кованый железом, оттого и легкий.

- Заебись! То, что надо! Бери! Потащили! – выпалил я и схватился за ручку сбоку.

Вовка взялся с противоположной стороны, и через минуту сундук стоял под дверью подъезда. «Чуть выше колен, должно хватить, достану», - прикинул я, встал на сундук и легко дотянулся до штыря.

- Блять, может выбить стекла камнем, нахуй, а!? – донесся снизу голос Вовки.

- Вов, ты ебанулся!? Ты ж тут живешь! Тебя же тут все сразу заебут на счет этих разбитых стекол! – удивился я.

- А, ну да! – Вовка скис и зачесал в затылке.

- Щас, попробую штапики вытащить и выставим стекла, - сказал я и принялся выковыривать деревяшки, державшие стекла в раме. Дело пошло легко, рама была старая, и гвозди в ней держались слабо.

- А что это вы тут делаете!? – донесся неожиданно строгий голос снизу.

Мы обернулись. В двух метрах рядом стояли два милиционера и удивленно смотрели за нашими действиями.

- Домой пытаемся попасть! – не моргнув глазом и продолжив вынимать штапики, сказал я. – Дверь в подъезде, козлы, закрыли изнутри, не можем домой попасть! Вот, приходится лезть через окно!

- Ааа... - протянули те задумчиво, сделались безразличными и пошли дальше.

- Че ты, блять, стоишь разинув рот!? – засмеявшись, гаркнул я сверху на Вовку, продолжавшего озираться в темноту, скрывшую милиционеров. – На стекло!

За пару минут я вынул все три стекла. За рамой внутри на подоконнике красовались три цветочных горшка.

- Вов, тут цветы стоят, что с ними делать? Они мешают!

- Ну, я не знаю!

- Понял! – ответил во мне алкоголь. Я схватил первый горшок и с криком «нахуй!» швырнул его в сторону мусорки. Остальные полетели следом, сопровождаемые тем же словом. Снизу заржал Вовка.

- Ну че, кто ползет!? – посмотрел я на себя и на него сверху. – Может ты, Вов? Я весь в белом, вымажусь точно! Ты хоть в рабочих джинсах, тебе похуй!

- Да давай я! – махнул он рукой.

Я спрыгнул. Вовка, кряхтя, полез наверх. Сунул голову в окно и застрял животом.

- Бля, Рамзес, я не пролезу! – выдал он, отдышавшись, стоя на штыре и держась за раму окна. – Придется тебе лезть!

Мы поменялись обратно. Я полез в окно, ужом преодолел амбразуру пустой рамы, сполз по подоконнику, стараясь не испачкаться. Не вышло. Я гулко спрыгнул с подоконника в подъезд, принялся отряхиваться. Одежда наполовину оказалась в пыли.

- Блять, только купил, называется! – обозлился я, спустился вниз к двери, нащупал стоящий по диагонали барашек, провернул его и выругался. – Дед – пидор!

Дверь открылась. Мы оттащили ящик обратно на мусорку и, оставив дверь подъезда открытой, поднялись наверх. Все четыре этажа Вовка матерился и проклинал деда, обещая ему разное, в том числе «обоссать дверь и насрать под ней».

- Слушай, но я, пиздец, вымазался весь! Как я завтра домой пойду такой!? – уставился я на Вовку, едва мы разулись и оказались в квартире.

- Ща постираем, Рамзес! Какие проблемы!? Снимай свое барахло!

Я отдал Вовке штаны и рубашку, оставшись, как обычно, в одних трусах. Вовка затолкал одежду в стиральную машинку и включил ее.

- Жрать хочу, пиздец! – произнес он и полез в холодильник. – Есть колбаса, ну, и... сыр! Гы-гы! Сыр будешь!?

Я кивнул, засмеявшись и устроившись на разболтанном стуле у кухонного стола. Следующие десять минут мы пили чай, жевали бутерброды с колбасой и сыром под мерные звуки стиральной машинки. Тема разговора скатилась от вообще девушек к конкретно Ритке. Я сказал, что отношения у нас дурацкие и ни к чему, похоже, не идут. Вовка подружески меня успокаивал и говорил, что все у меня с ней нормально, только работа Риты неудобная и молодость девушки портят сильно отношения. Мы закончили с едой и перебрались в комнату, Вовка включил телевизор. Но мы не стали его смотреть, уселись на его большую кровать и продолжили чесать языками.

- Она молодая еще! – поскреб Вовка свое пузо. – Ветер еще в голове! Так-то она приятная, и мозги у нее, вроде, есть! Характер только вот еще...

- Ну да, - буркнул я, так и не понимая ничего в наших с Риткой отношениях.

- Вам надо с ней того... - Вовка посмотрел на меня весело и постучал ладонью одной руки по торцу кулака другой. – И все наладится! Вот увидишь!

- Вот ты дуралей! – сказал я, и мы оба засмеялись.

- Блять, нет там нихуя нормального! – выругался Вовка и выключил телевизор.

Мы остались в тишине, поминутно посмеиваясь и прыская с Вовкиного жеста.

- Когда она уже достирает? – вскинул я руки в нетерпении.

- Скоро уже, Рамзес, скоро! – Вовка сгонял на кухню, вернулся. – Полчаса еще!

Сил уже не было. И от желания спать и усталости, мы сидели молча в одних трусах посреди ночи на четвертом этаже в старой съемной маленькой «хрущевке». Лишь вращение барабана стиральной машинки нарушало ночную тишину.

Проснувшись в полдень воскресенья, я отправился на маршрутке домой. Снял там купленные по желанию Риты вещи, забросил их в шкаф и больше никогда не надевал.

Дома обстановка оставалась накаленной. С момента отхода отца от совместных дел, мать стала чуть менее агрессивной. Но перемены в ее поведении оказались столь нестабильными, что я снова похоронил забрезжившую надежду на конец разлада. В совершенно непредсказуемые моменты мать вдруг вспыхивала ненавистью к отцу и ко мне, поливала обоих отборной руганью, уходила в свою комнату и закрывалась изнутри на замок. Прочее время она спала, натянув на голову одеяло, изредка ворочалась на диване, тот скрипел и хрустел так сильно, что я невольно стал задумываться о его замене.

С отцом установились непонятные отношения. К моему удивлению, однажды он попытался мне вменить в вину тот факт, что я занял нейтральную позицию в его тяжбе с Сергеем. Понятно, что я не мог высказать отцу в глаза одну из двух причин моего поступка – сильнейшее пресыщение к тому моменту мною его обществом вплоть до физического

отторжения. Вторую причину я озвучил легко, она была не менее весома и совершенно достаточна.

- Па, у нас была договоренность, ты отлично это знаешь! – возразил я, оказавшись в тот вечер с ним на балконе. – Я не мог вмешиваться в ваш с Серым спор, так как я лицо заинтересованное!

Отец полез в пачку за сигаретой, тут же закурил.

- Очень удобная у тебя позиция! – произнес он, выдыхая первую затяжку.

- Да какая позиция!? – возмущился я. – Мы так договорились с ним при тебе и Вере! Когда я, кстати, с Верой решал вопрос по ее зарплате, он не лез, сразу сказал, чтоб мы с ней сами решали. Я не понимаю, в чем ты меня хочешь обвинить?

- Да ни в чем, нормально все, - кивнул отец и продолжил смотреть во двор, сидя ко мне спиной на краю диванчика. Мы изначально так сели. Он впереди, спиной ко мне, я полубоком на другом краю. Никто не хотел смотреть в глаза другому. Умом я понимал, что не поступил против отца в том моменте, но чувство вины, как появилось сразу, так и не покидало моей груди. И что самое неприятное, отец подогревал его, настойчиво пытаюсь выставить меня виноватым.

- Я просто считаю, что раз мы одна семья, то всегда должны поддерживать друг друга! Во всем! На то она и семья, - продолжил отец, полуобернувшись и подняв указательный палец вверх. – Я, заметь, тебя всегда поддерживаю! Всегда! Даже, если ты не прав! А ты меня никогда!

- Это когда ты меня поддерживал, когда я был не прав!? – удивился, чуть опешив, я от такого поворота мысли отца.

- Тогда! – резанул он, вновь отвернувшись.

- Ааа! Ну, если «тогда», то понятно! – кивнул я, чувствуя, что разговор идет в никуда, и мы оба остаемся на своих позициях. – Ты сам взял и просто уехал, тебя никто не прогонял.

- Да как это никто не прогонял, если твой Сергей впрямую мне сказал «что-то, Анатолий Васильевич, пятнадцать тысяч многовато за такую работу!» - развернулся отец.

- Ну? И что!? – смотрел я на него почти в упор. – Он так сказал! Ну, сказал и сказал! Значит, он так считал! И что из этого!? А ты бы ему сказал, что за такую работу в самый раз! Кто тебе мешал отстоять свою точку зрения!? Сказал бы, например «Серый, давай узнаем, многовато это или нет, посмотрим, сколько за такую работу платят другие, газеты откроем с вакансиями соответствующими...». И тому подобное. Кто тебе мешал отстоять свою точку зрения?

Я смотрел на отца, тот молчал. В глазах его читалась легкая растерянность.

- Тем более, ты был прав! – пригвоздил я отца. – И ты знал, и я знал, и он знал, что за такую работу пятнадцать тысяч в самый раз! Мы же Петю взяли на эти деньги. И Серый ничего не сказал, сразу согласился. В чем дело? Почему ты просто сказал «я не буду с вами работать», хлопнул дверью и уехал!? Мы так и остались стоять там раскрыв рты. Лично я был очень удивлен! Да и Серый с Верой не меньше. Нам пришлось в авральном порядке брать на работу первого попавшегося водителя! Хорошо, попался Петя, нормальный грамотный мужик. А теперь ты сидишь тут и меня обвиняешь во всем. Как-то некрасиво.

Я был уверен в своей правоте абсолютно. Сверлил отца взглядом, чувствуя, как во мне внутри все закипает от его несправедливости.

- Ну, понятно! – произнес отец жестко с мелькнувшей злостью в глазах, затянулся последней затяжкой, энергично выдохнул на улицу, пухнул резко бычок туда же, хлопнул освободившейся рукой по подоконнику, привстал. – За то у тебя все и всегда красиво, я смотрю! Ну-ну, трудись, сынок, трудись!

Он похлопал меня недобро и тяжело по плечу и вышел с балкона в комнату.

Я остался сидеть в некотором смятении и растерянности. С одной стороны – я не усматривал в своих действиях или бездействии никаких плохих намерений в отношении отца. Я знал это точно! Я никогда и не при каких обстоятельствах не пытался поступить так, чтоб ущемить отца! Ни разу! С другой стороны – я чувствовал за собой какую-то вину, инстинктивную, родственную. Она зиждилась на том, что отец пострадал, а я нет. И именно эта разница в положении порождала мою внутреннюю вину. И с третьей стороны – отец вменял мне в вину случившееся с ним явно серьезно и довольно беспардонно, не пытаясь осмыслить и понять мотивы моего решения. Чем сильнее отец давил, тем сильнее я противился.

В таком напряженном состоянии наши отношения с ним пробыли до конца лета. Отец потихоньку продолжал собирать деньги с клиентов за поставленный товар от предыдущей нашей деятельности до Сергея. Набегала неплохая сумма. Наши с ним общие деньги отец складывал в банке на своем счету. К концу июля там уже числилось около полумиллиона рублей. Тот знакомый Сергея, которому мы отвезли на реализацию весь розничный товар, к началу августа рассчитался с нами полностью.